

На правах рукописи

Завьялова Анастасия Ивановна

**ВЕЩИ В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ ПРАВОСЛАВНЫХ
ПРИХОДОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии

Москва 2026

Работа выполнена на кафедре истории и теории культуры факультета культурологии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»)

Научный руководитель: **Антонов Дмитрий Игоревич**
доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры истории и теории культуры ФГАОУ ВО
«РГГУ»

Официальные оппоненты: **Громов Дмитрий Вячеславович**
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Центра по изучению межнациональных
отношений Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии
наук (ИЭА РАН)

Сукина Людмила Борисовна
доктор исторических наук, доцент, заведующий
кафедрой подготовки кадров высшей
квалификации федерального государственного
бюджетного учреждения науки Институт
программных систем им. А.К. Айламазяна
Российской академии наук (ИПС им. А.К.
Айламазяна РАН)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт славяноведения
Российской академии наук (ИСл РАН)

Защита состоится «22» июня 2026 г. в 16.00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.09 на базе ФГАОУ ВО «РГГУ» по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «РГГУ» по адресу: <https://www.rsuh.ru/dissovet/24-2-366-09-po-kulturologii-istoricheskim-naukam/zavyalova-anastasiya-ivanovna.php>.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Ирина Николаевна Захарченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. После распада СССР Русская православная церковь Московского патриархата (РПЦ МП) полноправно вернулась в публичное пространство и укрепила свой статус в российском обществе. С 1990-х гг. началась многоаспектная «рематериализация» православия – восстановление храмов, активное формирование их материальной среды, появление новых пространств для религиозных практик. Пересборка религиозной инфраструктуры (М. Буркхардт, Б. Кёрби, Я. Хёльцхен) стала важным явлением современной православной культуры.

В то же время на волне материального и онтологического поворотов (Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло и др.) в социальных и гуманитарных науках усилился интерес к «вещественной» стороне религии. В рамках таких подходов, как «материальная религия» (Б. Майер, У. Кин), а также в исследованиях религиозной инфраструктуры материальные объекты рассматриваются не только как носители сакральных смыслов или культурных ценностей, но и как активные участники социальных процессов; как медиа, посредством которых вера рождается в чувственном опыте людей. В последние десятилетия эта исследовательская логика все чаще применяется в исследованиях православия.

Материальная среда православных приходов во многом выстраивается «сверху», так как Церковь как институт стремится формировать и контролировать различные аспекты православного «мира веры». Однако не менее активно инфраструктура храмов РПЦ МП достраивается «снизу» – через повседневные практики прихожан и посетителей храмов, в частности – через «церковный принос». В современных православных кругах так обозначают практику приносить различные вещи в храмы.

Круг предметов из церковного приноса весьма широк; такие предметы сильно различаются по своему статусу и функциям. Весь этот комплекс вещей можно условно разделить на несколько групп, хотя границы между ними остаются подвижными. С одной стороны, это обладающие высоким статусом в религиозной культуре, часто дорогостоящие объекты – иконы, реликвии, литургические предметы и др., – которые преподносят в дар церквям и монастырям вкладчики. С другой – предметы утилитарного значения (стройматериалы, инструменты, одежда и т.п.), которые не наделяют сакральным статусом. В середине этой негласной иерархии находятся вещи, которые обладают религиозной/символической значимостью, т.е. не относятся к утилитарным объектам, но и не имеют столь устойчивого статуса, как почитаемые объекты, реликвии. Вещи такого рода мы предлагаем называть *символически значимыми предметами с неопределенным (подвижным) статусом*. К этой группе относятся дары святым и иконам (вотивные украшения, цветы, записки), различные предметы, ненужные их прежним владельцам и

«сданные» в храм (старые церковные книги, распятия, кресты, календари, иконы и др.), а также руинированные, непригодные для дальнейшего использования вещи, которые причисляют к «священному мусору».

Несмотря на различия, все эти предметы – высокостатусные реликвии, утилитарные объекты и символически значимые вещи с неопределенным статусом – попадают в храм через практику приноса и могут рассматриваться священнослужителями и церковными работниками как дар. Однако судьба объектов из этих трех категорий после попадания в церкви принципиально различается: вокруг них выстраиваются совершенно разные практики, взаимодействия и инфраструктуры.

Высокостатусные святыни начинают почитать, они занимают стабильные места в пространстве храма, участвуют в практиках апроприации благодати (Д.И. Антонов). В случае порчи для их утилизации предполагаются особые ритуализированные действия: так поступают с сакрально значимыми объектами во многих культурах. Утилитарные предметы, напротив, почти никогда не наделяют какими-либо особыми свойствами и после использования утилизируют вместе с бытовыми отходами.

В большинстве случаев «биографии» (А. Аппадурай, И. Копытофф) символически значимых вещей с подвижным статусом в стенах церкви не столь однозначны и последовательны. Так как приношения святым/иконам, принесенные в церковь предметы религиозного быта и священный мусор воспринимаются как наполненные благодатью, их безусловно отделяют от утилитарных вещей. Как и реликвии, они часто требуют особого обращения. Ярче всего это проявляется в практиках их утилизации, которые идентичны практикам утилизации высокостатусных святынь, а не бытового мусора. Но в то же время, эти предметы не почитают и не позиционируют так, как реликвии. Их не используют в богослужбных и молитвенных практиках. Многие из них в церквях могут накапливать, хранить или перемещать большими партиями, как обычные утилитарные вещи.

Символически значимыми предметами с неопределенным статусом в церковном пространстве оказываются очень подвижными – как в плане изменчивости значений, ролей в приходской повседневности, так и в плане перемещений в пространстве. Эти объекты часто включаются в практики циркуляции – распределяют, обменивают или, напротив, выводят из обращения. В разных контекстах ценность этих предметов может ставиться под сомнение и заново определяться – с опорой на то, какие возможности они могут предложить человеку, вступающему с ними в контакт. Святость и значимость этих вещей как будто «мерцает», проявляясь в одних ситуациях и исчезая в других. Благодаря своей подвижности и, зачастую, существованию на периферии церковного пространства, предметы такого рода

не слишком заметны случайному посетителю храма. Именно эти вещи, а также связанные с ними люди, идеи и взаимодействия оказываются в центре нашего исследования.

Роль символически значимых вещей с неопределенным статусом сложно переоценить, хотя бы в силу их повсеместного распространения, массовости и разнообразия. Постоянное обращение таких предметов в приходе во многом определяет повседневную жизнь церкви, провоцирует возникновение множества социальных взаимодействий и культурных практик. Вокруг этих вещей формируется особая инфраструктура – на первый взгляд невидимая, но важная часть любого православного храма.

До недавнего времени все эти масштабные процессы не привлекали внимания исследователей. Выявить и описать их – важная и актуальная задача. Ее решение позволит понять, как формируется, живет, осознается и меняется материальная (при)церковная среда в России.

Объект исследования: материальная среда современных православных приходов России.

Предмет исследования: символически значимые вещи с неопределенным статусом, циркулирующие в православных приходах современной России.

Цель настоящей работы – провести комплексное исследование символически значимых вещей с неопределенным статусом, а также культурных практик, в которые они включены в современных приходах РПЦ МП.

Для достижения цели необходимо решить ряд **задач**:

- разработать теоретико-методологическую базу для анализа материальной среды современных приходов РПЦ МП и роли символически значимых предметов с неопределенным статусом в ее формировании;

- выделить особенности современной инфраструктуры приходов Русской православной церкви;

- исследовать практику церковного приноса, а также механизмы, приводящие к ее формированию;

- описать акторов-людей, которые участвуют в практиках, связанных с символически значимыми предметами (дарителей, распорядителей, пользователей);

- выявить специфику и составить типологию символически значимых предметов с неопределенным статусом, циркулирующих в приходах РПЦ МП;

- проанализировать культурные практики, связанные с этими вещами, которые складываются в православных храмах;

– выявить стратегии включения таких предметов в материальную среду православных приходов и проиллюстрировать взаимодействие этих стратегий на примере конкретных храмов.

Хронологические и географические рамки исследования. В хронологическом плане наше исследование сфокусировано на 2020-х гг., так как основной корпус анализируемых материалов относится к этому периоду (2021–2026 гг.). Однако явления и процессы, о которых идет речь, зародились или сформировались в их современном виде после исчезновения СССР и тех изменений, которые произошли в церковной жизни в 1990-е гг. Соответственно, наше исследование рамочно охватывает постсоветский период российской истории и включает ряд источников, относящихся к 1990–2010-м гг.

В географическом плане работа включает преимущественно регионы европейской части России. Основную источниковую базу диссертации составляют материалы, собранные в Московской, Вологодской, Новгородской, Тверской, Нижегородской, Владимирской, Ярославской, Брянской, Смоленской, Воронежской, Липецкой областях. В большинстве этих регионов процессы восстановления/создания православной инфраструктуры с 1990-х гг. проходили быстрее и интенсивнее, чем в Зауралье, Сибири и на Дальнем Востоке. Кроме того, это крайне насыщенные известными храмами, монастырями и почитаемыми природными объектами области. Наконец, важно, что в пяти из этих регионов (Вологодском, Тверском, Нижегородском, Воронежском и Липецком) в XIX – XX вв. массово изготавливали фольговые иконы-киотки, которые в постсоветской России оказались самой обширной категорией вещей, включенных в практики церковного приноса.

Источниковая база исследования. Исследование основывается на следующих основных группах источников:

1) *Устные источники* – корпус интервью, собранных автором работы индивидуально и в составе рабочей группы сотрудников Учебно-научного центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени факультета культурологии РГГУ (далее – УНЦ ВИСиНВ или Центр). Интервью проводились в городских, сельских и монастырских приходах РПЦ МП. Основными респондентами были люди, которые непосредственно организуют практику приноса: священнослужители, церковные работники, монахи, монастырские служащие. Прихожане, паломники и другие посетители храмов тоже включены в этот процесс, но на сегодняшний день интервью с ними составляет меньшую часть корпуса текстов, собранных автором диссертации и исследовательской группой сотрудников Центра. Всего в 2021–2026 гг. с указанными группами собеседников

было проведено более 220 интервью: как в блиц-формате, так и глубинных, полуструктурированных, продолжавшихся от 15 минут до двух с половиной часов.

2) *Визуальные источники* – фото- и видеоматериалы автора работы, сотрудников Центра, в ряде случаев – других исследователей: В.Ю. Коровина (Воронежский государственный университет), Д.В. Остапенко (Европейский университет в Санкт-Петербурге). Кроме того, привлекаются фотографии, размещенные в печатных публикациях о некоторых храмах, а также на сайтах исследуемых приходов, в их соцсетях, в некоторых случаях – с сервиса «Яндекс.Карты». Корпус составляет около 500 фотоснимков и более 30 видеороликов. Подобранные визуальные материалы созданы в разные годы (с конца 1990-х гг. до настоящего момента) и позволяют отслеживать изменения, происходившие в организации (при)церковного пространства различных храмов и монастырей РПЦ МП. Кроме того, для диахронного сравнительного анализа мы обращаемся к фотографиям С.М. Прокудина-Горского, запечатлевшего интерьеры православных церквей на рубеже XIX – XX вв.

3) *Письменные источники* – нарративные свидетельства о жизни православных приходов, высказывания представителей Церкви и других православных акторов, опубликованные на сайтах и в социальных сетях изучаемых церквей и епархий РПЦ МП, на православных форумах, на сервисах и порталах, в интернет-изданиях, аффилированных с РПЦ МП; русскоязычные книги, пособия и брошюры о правилах поведения в храмах, о «воцерковлении», этике православной жизни, изданные православными издательствами, а также публикации об истории исследуемых православных приходов; информационные заметки российских новостных порталов о событиях в российской православной жизни; диалоги, связанные с христианской верой, на неправославных интернет-сервисах вопросов и ответов; отзывы на храмы, в которых автор исследования проводила полевую работу, оставленные посетителями на сервисе «Яндекс.Карты»;

4) *Артефакты* – религиозные атрибуты из церковного приноса, собранные сотрудниками УНЦ ВИСИИВ в ходе экспедиций 2021–2026 гг. Это объекты, которые были пожертвованы информантами в коллекцию Центра для научного исследования. Среди них – иконы различных периодов производства и техник изготовления; христианская литература; рукописные тетради с молитвами; православная сувенирная продукция и т.д.

5) *Нормативно-правовые документы* – устав РПЦ МП (2000) и типовой устав местной религиозной организации – православного прихода (2009), на юридическом уровне устанавливающие нормы приходского хозяйствования.

Теоретико-методологические основания работы. Методологическую основу исследования составляет комплекс подходов, сформировавшихся в русле материального

поворота, прежде всего направления «материальная религия» (У. Кин, Б. Майер, Б. Плейт и др.) и исследования религиозной инфраструктуры (М. Буркхардт, Б. Кёрби, Я. Хельцхен). Исследуя циркуляцию, мы прибегаем к концепциям, разработанным в рамках теории обмена (М. Годелье, П. Бурдые), социологии вещей (А. Аппадурай, И. Копытофф и др.), акторно-сетевой теории (Б. Латур, Дж. Ло и др.).

При анализе пространства православных храмов, материальности и агентности религиозно значимых вещей, особенностей их взаимодействий с людьми, нами использованы концепции исследователей, изучающих семиотику и антропологию христианского искусства и реликвий (Х. Бельтинг, С. Хупер, Д. Фридберг и др.), включая такие понятия, как «апроприация силы» (Д.И. Антонов), «иеротопия» (А.М. Лидов), «механизмы циркуляции» (П. Гири), «образ-объект» (Ж. Баше).

Находясь в области исследований религиозной культуры, мы опираемся на теории и концепты, актуальные для современного междисциплинарного религиоведческого поля: вернакулярная религия (Л.Н. Приммиано), постсекулярная эпоха (Д.А. Узланер), религиозная экономика (П. Бергер) и др.

В контексте исследования механизмов семиотизации в православном христианстве, мы привлекаем труды по семиотике культуры в версии московско-тартуской школы (прежде всего исследования Б.А. Успенского). В разных контекстах важными для нас оказывается семиотический подход к исследованию материальной культуры, разработанный в рамках советско-российской этнографии традиционной культуры (А.К. Байбурин), а также интерпретативный подход к культуре (К. Гирц).

Эмпирическая часть работы основана на антропологических методах (интервьюирование, включенное наблюдение, работа с артефактами). Анализ источников осуществляется с применением методов кейс-стади, нарративного и семиотического анализа, а также элементов контент- и дискурс-анализа.

Степень изученности проблемы

Различные аспекты функционирования материальной среды православия и религиозно значимых объектов получали освещение в исследованиях по истории культуры (О.Ю. Гурова, А. Голубев, В.В. Волков, С. Бойм, Н.Б. Лебина, А.А. Сальникова и др.), социологии религии (Н.В. Митрохин, Б.К. Кнорре, Н.Н. Емельянов, Г.Б. Юдин, И.В. Забаев, Д. Тошева, Б.В. Дубин, П.С. Абрамов, А.Г. Давыдов и др.) и религиозной антропологии (А.А. Панченко, А.Б. Мороз, Д.И. Антонов, А.С. Агаджанян, Ж.В. Кормина, С.А. Штырков, Д.А. Радченко и др.). В научной литературе анализируются процессы постсоветской трансформации религиозной культуры, особенности православной инфраструктуры и ее элементов, а также механизмы конструирования сакрального пространства.

В ряде работ рассматриваются биографии религиозных артефактов, статус «старых» и «новых» вещей в религиозных культурах (А.К. Байбурин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, Д.Ю. Доронин), а также феномен «сакрального мусора» и практики обращения с ним (Д. Чидестер, К. Пейн, И. Стенгс, К. Трипплетт, Д.И. Антонов). Отдельное внимание уделено изучению религиозности в городском пространстве (Д.А. Радченко, Л.Б. Сукина, Н.Б. Граматчикова, Я.К. Куксин, Д.В. Остапенко), современным формам православной культуры и вернакулярным практикам (А.Б. Мороз, А.А. Панченко, Д.И. Антонов, Ж.В. Кормина, К.В. Цеханская, П.Г. Чистяков, Д.Г. Дубовка, С.В. Рязанова, Е.М. Шеваренкова, Т.Б. Щепанская, Л.П. Липатова и др.).

Вотивным дарам, цветам, запискам святым и некоторым «возвращенным» Церкви объектам (в частности, иконам XIX–XX вв.) были посвящены отдельные работы (Д.И. Антонов, И.В. Кизей, Д.В. Громов, Ж.В. Кормина, С.А. Штырков, А.Б. Мороз, О.Н. Филичева, Д.Ю. Доронин, Л.П. Горюшкина, В.Ю. Коровин).

Несмотря на то, что современным религиозным практикам и материальным объектам, включенным в них, посвящен широкий круг исследований, комплексный анализ материальной среды современных российских храмов/приходов до сих пор не был проведен. Соответственно, остается непроясненным целый ряд важных вопросов, в числе которых – сложное устройство современной православной инфраструктуры и роль практики приноса, а также символически значимых материальных объектов с неопределенным статусом в ее формировании и современных трансформациях.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые выявлен, систематизирован и проанализирован обширный комплекс вещей, циркулирующих в современных российских приходах РПЦ МП и обладающих подвижным статусом. Описаны акторы, взаимодействующие с этими вещами, инфраструктура, которая формируется благодаря им, а также связанные с ними социокультурные практики. Исследованы разные принципы оценки предметов такого рода и то, как эти принципы реализуются (порой конкурируя) в современных российских храмах. Впервые проведен анализ церковного приноса как социального и культурного феномена, значимого для жизни современных православных приходов. Проведенная работа позволила раскрыть ряд важных процессов, происходящих в жизни российских православных сообществ.

В диссертации анализ материальной среды приходов РПЦ МП проводится с позиций, обоснованных в рамках материального поворота в социально-гуманитарных дисциплинах. Комплексы отношений между материальными объектами и людьми, реализующиеся в храмах, концептуализированы с опорой на инфраструктурный подход к

изучению религии. Это позволило применить новые разработки в области исследования религиозных практик к анализу актуального этнографического материала.

Теоретическая значимость работы. Теоретическая значимость исследования связана с тем, что в нем на обширном материале показана работа православной инфраструктуры и роль вещей в повседневных практиках современных приходов. Результаты, полученные в ходе исследования, помогают глубже понять эволюцию христианской практики церковного приноса, ее актуальное состояние и перспективы развития. А также реконструировать актуальные механизмы, лежащие в основе практик жертвования/дарения и стратегии означивания предметов материального мира в современной православной культуре. Это представляется значимым для будущих исследования вернакулярной религиозности и церковной инфраструктуры в современной России. Материалы диссертации могут быть также полезны при анализе других культур и религиозных традиций.

Практическая значимость работы. Исследование может представлять практическую значимость для специалистов по истории России и православной Церкви, культурной антропологии и антропологии религии, культурологии, религиоведения. Его материалы могут быть использованы как в дальнейших научных разработках в области православной культуры, так и при подготовке лекций, семинаров и спецкурсов по антропологии религии, истории, семиотике и этнографии христианской культуры, религиоведению, материальной религии.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует паспорту ВАК по специальности 5.10.1 «Теория и история культуры, искусства» и защищается по следующим направлениям: 2. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры, 5. Возникновение и развитие исторически удаленных и современных феноменов культуры, 6. Культурно-историческая память и культурное наследие, 24. История российской культуры конца XX – начала XXI века, 27. История христианской культуры, 37. Взаимное влияние культуры и экономической, социальной, политической жизни государства и общества в отечественной и всеобщей истории.

Апробация работы. Результаты исследования изложены в 14 публикациях – статьях, тезисах конференций и коллективном методическом пособии (см. ниже). Материалы диссертации были представлены также в 18 докладах в университетах и научных центрах России. Кроме того, промежуточные выводы обсуждались в рамках регулярных научных семинаров Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ и УНЦ ВИСИНВ РГГУ.

Наиболее значимые конференции: I–III Всероссийская с международным участием научная конференция «(Re)конструирование религиозных практик на постсоветском пространстве» (19–20 ноября 2021 г., 21–22 ноября 2023 г., 21–22 ноября 2025 г., Москва, РГГУ); XVI Конгресс антропологов и этнологов России (2–6 июля 2025 г., Пермь); III–IV Всероссийская научная конференция «Изображение и культ: сакральные образы в христианских традициях» (24–26 ноября 2022 г., 28–30 ноября 2024 г., Москва, РГГУ); II Международный научный симпозиум «Визуальная теология. Репрезентация культурной идентичности» (1–2 октября 2023 г., Великий Новгород, НГУ им. Ярослава Мудрого); XXIII международная Школа по фольклористике и культурной антропологии «Прикладная антропология сегодня» (28 апреля – 4 мая 2023 г., Нижний Новгород); XXII Международная школа по фольклористике и культурной антропологии «Антропология религии» (8–13 октября 2022 г., Великий Новгород); X–XI Всероссийская научная конференция «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика» (18–19 марта 2022 г., 16–18 марта 2023 г., Санкт-Петербург, ЕУСПб); Всероссийская научная конференция «Современные методы изучения культуры – XIV» (15–16 апреля 2022 г., Москва, РГГУ).

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Статус votivных даров, цветов, записок святым, а также «возвращенных» Церкви объектов и «священного мусора» в церковной среде не задается институциональными предписаниями и церковными канонами, но формируется перформативно. На оценку предмета влияют одновременно несколько факторов: представления о благодати (способности объекта быть носителем сакральной силы и передавать ее другим объектам через контакт); режимы ценности, определяющие значимость вещи в конкретном культурно-историческом контексте; материальные аффордансы объекта (его физические свойства, «приглашающие» к действиям). Соответственно, неопределенность статуса рассматриваемых нами символически значимых предметов связана не столько с их имманентными свойствами, сколько со способами и контекстами их циркуляции в современных православных храмах. Значения этих вещей утверждаются, отрицаются и «пересобираются» в ходе социальных взаимодействий. Как следствие, один и тот же объект в условиях разных православных приходов может функционировать как контактная реликвия, достойный дар или священный мусор.

2) Современный православный приход представляет собой сложную инфраструктурную сборку, функционирующую на пересечении различных светских ценностных ориентаций, административно-финансовой зависимости от епархии, рыночной логики религиозных услуг и идеологии «чистого дара». В этих условиях формируются

локальные вариации приходской жизни и, в частности, практики обращения с вещами. Разные типы храмов (кафедральные соборы, монастыри, городские, пригородные и сельские церкви) имеют свою инфраструктурную специфику и, соответственно, свои стратегии работы с материальными приношениями. Так, более экономически состоятельные и статусные храмы, как правило, выстраивают сложные системы фильтрации вещей, и многие предметы здесь могут быть оценены как нежелательный балласт. В то же время в более бедных приходах каждый принос может становиться существенным ресурсом. Успешность и стабильность практик, связанных с символически значимыми объектами с неопределенным статусом, зависит от инфраструктурных и человеческих особенностей и возможностей прихода.

3) Церковная цензура – совокупность локально-специфичных правил и практик фильтрации, оценки и регулирования потоков вещей – это ключевой механизм, определяющий судьбу символически значимых предметов с подвижным статусом в православных приходах. Настройки этого фильтра зависят от множества факторов, включая тип прихода, его локализацию, позицию настоятеля и, в особенности, доминирующие семиотические идеологии – способы видения и оценки вещей, распространенные в современном российском обществе. Можно выделить пять таких идеологий (историческая, антикварная, семейная, модернизирующая и идеология «опасной вещи»), которые могут наслаиваться и конкурировать, определяя локальный режим ценности в каждом конкретном храме. При этом ключевыми агентами цензуры выступают настоятель, задающий общие правила, и «младшие» распорядители (церковные служители, работники, волонтеры), непосредственно реализующие фильтрацию вещей и управление ими в повседневной приходской практике.

4) Символически значимые предметы попадают в современные православные храмы благодаря трем основным механизмам, которые определяют траектории движения этих предметов и их статусные трансформации. Эти механизмы – дар (осознанное и чаще открытое приношение вотивов, цветов, записок как благочестивых «жертв»), символическое возвращение (передача ненужных, но сохранных предметов в Церковь как в «дом» для любых православных вещей) и сдача на утилизацию (принос руинированного «священного мусора», требующего ритуализованного уничтожения). Выделение этих механизмов позволяет преодолеть понимание церковного приноса исключительно как практики дарения и показать, что мотивации людей, приносящих вещи в храмы, могут существенно различаться. При этом окончательная судьба вещи определяется не столько первоначальной интенцией дарителей, сколько работой церковной цензуры и инфраструктурными возможностями конкретного прихода. После того, как вещи попадают

в храм, они могут выводиться из обращения благодаря действию других механизмов. Наряду с ритуализованной утилизацией символически ценные предметы могут покидать церковь через дарение (передача брандеа/евлогии паломникам; дар вещи ученым для изучения), продажу (антикварам), свободную раздачу (прихожанам) и воровство. Эти каналы вывода замыкают цикл циркуляции, возвращая вещи в «мирское» пространство – в дома новых владельцев, частные коллекции, музеи, исследовательские архивы или на черный рынок.

5) Инфраструктурные решения, создаваемые в приходах для работы с символически значимыми вещами из приноса (киоты, вазы, сундучки, ящики, столы, полки, склады, печи, колодцы и т.д.), не просто обслуживают практики обращения с вещами. Они активно участвуют в формировании самих практик и играют роль материализованных «фильтров» церковной цензуры. Конструкция киотов (закрытые или открытые, с зазорами или без) либо поощряет практику подкладывания записок и размещения вотивов, либо блокирует ее. Стационарные вазы у икон говорят о поощрении в храме цветочных даров, а наличие столов для обмена программирует возможность внутрицерковной рециркуляции «возвращенных» предметов. Дифференциация локусов для разных типов вещей – отдельные киоты, помещения, печи и колодцы для разных «фракций» священного мусора – материализует иерархию ценностей, принятую в конкретном приходе, и определяет программу действий новых церковных работников. Эти материальные элементы зачастую эффективно действуют вовсе без вербальных запретов и предписаний: они не просто зримо свидетельствуют о правилах, но и делают определенные практики физически невозможными или, напротив, «приглашают» к их совершению через определенные аффордансы, считываемые людьми. При этом инфраструктурные решения всегда локальны: они не копируются автоматически, а вырабатываются в каждом приходе «под себя», отражая его специфику – тип, историю, активность общины, позицию настоятеля и доминирующие семиотические идеологии.

6) Каждое церковное сообщество символически и физически регулирует потоки поступающих в храмы вещей с неопределенным статусом, что находит выражение в различных инфраструктурных стратегиях – демонстрации, коллекционировании, распределении, хранении, утилизации и вытеснении. Эти стратегии редко существуют в чистом виде, чаще они совмещаются и влияют друг на друга. Анализ того, как они сочетаются и конкурируют в рамках одного прихода, как какая-либо из них начинает доминировать или терять актуальность, дает нам возможность выявлять многие актуальные процессы и явления, которые происходят в современных приходах.

Структура работы. Диссертация включает введение, три главы, заключение, список источников и литературы, приложение (общий объем работы без приложения – 273 страницы). Приложение включает визуальные материалы, необходимые для иллюстрации отдельных тезисов работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определена актуальность темы исследования и степень ее изученности, сформулированы цели и задачи, охарактеризованы источники и методология, обоснована научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также описана ее апробация.

Первая глава под названием **«Вещи в контексте изучения религии»** состоит из четырех параграфов и посвящена теоретическим аспектам диссертации, разработке инструментов анализа, применяемых в работе, а также осмыслению вещей в контексте исследований культуры в целом и христианской культуры в частности.

В первом параграфе **«Материальные объекты в исследованиях религиозной инфраструктуры»**, кратко прослежена эволюция исследовательских подходов к изучению вещей, и более подробно рассмотрены направление «материальная религия» (*material religion*) и исследования религиозной инфраструктуры. Исследователи, работающие в рамках материальной религии, исходят из утверждения, что религия не может существовать вне материальных форм: вещи, пространства и тела не просто сопровождают религиозную жизнь, но создают ее, выступая медиаторами между верующими и трансцендентным. В рамках этой исследовательской программы особое значение придается сенсуальным формам (Б. Майер) – материальным и чувственным явлениям, которые организуют доступ к сакральному. Приведена также критика этого подхода со стороны других исследователей материальной религии, которые настаивают, что необходимо учитывать также не-сенсуальные формы. Ученые, работающие в рамках инфраструктурного подхода, предлагают осмыслять религию как особую инфраструктуру. Это позволяет рассматривать религию как сложную сборку людей, вещей, идей, практик и невидимых агентов, учитывая при этом и все «земные» условия существования такой сборки. В этом же параграфе введено одно из ключевых для работы понятий – *церковная инфраструктура*: совокупность социотехнических условий, в которых функционирует конкретный православный приход (включая богослужebные и хозяйственные практики, локусы и представления) и которые определяют циркуляцию вещей.

Второй параграф **«Циркуляция, товаризация и режимы ценности религиозно значимых предметов»** посвящен теоретическому инструментарию, позволяющему осмыслить церковный принос как социокультурную практику. Опираясь на классические

теории обмена, разработанные в антропологической науке, и культурно-биографический подход (А. Аппадурай, И. Копытофф), введено понятие «циркуляция», которое позволяет говорить одновременно о перемещении предметов в пространстве и между различными культурными контекстами, об изменениях статуса/значения/ценности вещей, которые могут при этом происходить. Соответственно, обмен в приходской среде рассматривается как зона конфликта разных культурных допущений о значимости объекта – режимов ценности (А. Аппадурай), в которой рождается новая оценка вещи. На примере средневековых реликвий (П. Гири) показано, что даже сакральные объекты, которые часто понимаются как принципиально необмениваемые (М. Годелье) или «растоваренные» (И. Копытофф), в действительности активно участвуют в процессах циркуляции.

Особое внимание уделяется изменению в режимах ценности, которое произошло при переходе общества из советской эпохи в постсоветскую. Если для дефицитной экономики СССР были характерны долгие жизненные циклы вещей, то в современном российском обществе материальные объекты функционируют в рамках концепции новизны, ускоренного обновления и массового производства. Это создало условия для включения православных приходов в современную экономику циркуляции и потребительскую культуру, а также для постоянного обновления предметного мира российских храмов. В таком модернизационном режиме «старые» вещи, символически связанные с Церковью, могут утрачивать свою значимость. Это приводит к необходимости периодически выводить их из обращения или изобретать иные способы регулирования их постоянного потока.

В третьем параграфе «Символический статус вещей в христианской культуре» рассматриваются представления, лежащие в основе особого отношения к предметам материального мира в христианской культуре. Семиотический статус вещи не является ее постоянным свойством: один и тот же предмет в разных контекстах может восприниматься и как утилитарный объект, и как носитель сакрального. О значимости предмета свидетельствует прежде всего особое поведение людей по отношению к нему – сопутствующее реликвиям поведение (*relic-related behavior*), как его предлагает определять С. Хупер. Для анализа христианских сакральных объектов мы обращаемся к термину «реликвия», которое трактуем расширительно, включая в ряд чудотворных объектов как мощи святых, так и религиозные образы, а также и контактные святыни – брандеа. Работы Х. Бельтинга, М.Д. Фуллертона, Д. Фридберга, Ж. Баше и других ученых позволяют проследить, как формировались представления об агентности реликвий и об их благодатности. Мощи святых стали первыми и важнейшими носителями благодати, однако со временем их круг расширился. С распространением христианских образов иконы начали

воспринимать как равноценные мощам «тела» святых. Возникла практика создания брандеа – дочерних реликвий, которые обретают силу «материнских» святынь через контакт с ними. Благодать при этом понималась не только как сосредоточенная в самом предмете, но и как окружающая его наподобие невидимого «второго тела» (Д.И. Антонов), что позволяло осуществлять дистантное взаимодействие с почитаемым/целебным объектом. Представления о силе, которой наделены реликвии, которую они источают и которая распространяется по контактному принципу, рассматривается как один из центральных для христианской культуры факторов, влияющих на отношение к материальным объектам, в том числе на современном этапе.

В православной традиции практически любой предмет, так или иначе соприкоснувшийся со святыней (в том числе дистантно), может рассматриваться как потенциальный носитель благодати (троицкая зелень, votивные дары, вода и тряпки, которыми мыли церковный пол и т.п.), даже если его физические свойства к этому не располагают. При этом вопрос о том, какие из этих предметов пригодны для дальнейшего использования в качестве контактных святынь, а какие нет («сакральный мусор») всегда остается дискуссионным, решается не на доктринальном, а на практическом уровне и затрагивает как духовенство, так и прихожан. Важно, что эти споры никогда не были частью противостояния представителей «официальной» и «народной» религии (хотя подобные вопросы часто описывали в таких категориях): разные позиции могут существовать как среди клириков, так и среди мирян. Сегодня, как и в Средневековье и Новое время, среди священников можно встретить сторонников активного использования брандеа, и одновременно тех, кто оценивает эти практики как «наивную веру» или «суеверие».

В четвертом параграфе **«Приглашающая материальность: аффордансы храмовых вещей»** введено понятие «аффорданс» (Дж. Гибсон), под которым понимаются свойства предмета и среды, в которой он существует, «приглашающие» к определенным действиям. Аффордансы объектов предлагают возможности для целого ряда взаимодействий, но выбор конкретного поведения зависит от человека и его семиотических идеологий (У. Кин) – негласных допущений о том, как искать и интерпретировать знаки в мире. Понятие аффорданса позволяет объяснить, почему при равном потенциале «быть контактной реликвией» одни предметы-носители благодати становятся объектами почитания, а другие отправляются на утилизацию: их материальное качество (ветхость, низкостатусность) может создавать противоположный аффорданс – «быть мусором». При этом даже ветхие предметы, отмеченные в сфере сакрального, требуют благочестивого обращения. Физические характеристики вещи могут вступать в противоречие с ее

символическим статусом, создавая двойные интерпретации. Именно в этом зазоре между приглашением к почитанию и приглашением к уничтожению формируются сложные практики обращения со «священным мусором». Чтобы разрешить эти противоречия, в православных сообществах вырабатываются особые практики утилизации вещей, чья «телесность» напитана благодатью.

Таким образом, в первой главе последовательно выстраивается концептуальная рамка, которая позволяет анализировать практики, складывающиеся вокруг символически значимых вещей с неопределенным статусом в современных православных приходах, а также исследовать церковные инфраструктуры, в рамках которых происходит оценка, фильтрация, распределение, реализация и утилизация вещей такого рода.

Вторая глава, которая носит название **«Православный приход в современной России: человеческие агенты, цензура и инфраструктура»**, также состоит из четырех параграфов. В них рассматриваются характерные черты инфраструктуры современных приходов РПЦ МП.

Первый параграф **«Православный приход в современных российских контекстах»** посвящен условиям, в которых существует православный приход. «Приход» – это многозначный термин, который одновременно означает местную религиозную организацию – юридическое лицо, экономическую единицу Церкви, локальную вариацию православной культуры, религиозную общину, а также храм, в котором окормляются ее члены. С опорой на концепции материальной религии и инфраструктурные исследования приход рассмотрен как место (*place*), где сходятся вместе люди, вещи и трансцендентные агенты, а также как социотехническая сборка, формирующая практики и регулирующая циркуляцию вещей.

Функционирование современного российского прихода определяют многие факторы, но в контексте настоящего исследования важны следующие. Во-первых, постсекулярная современная ситуация, характеризующаяся плюрализацией ценностных ориентиров и дискурсов о религии, приводит к тому, что клирики и миряне ориентируются на множество ценностных матриц и семиотических систем, заимствованных как из православной традиции, так и из нерелигиозных сфер – экономики, политики, массовой культуры. Во-вторых, православный приход подчиняется определенным юридическим и административным нормам. В соответствии с этими правилами, с одной стороны, приходы подчинены епархиальному руководству, а с другой – должны самостоятельно поддерживать свою автономность в экономической, хозяйственной и других сферах. В-третьих, хозяйственная автономность прихода формируется на пересечении трех логик – реципрокных отношений, иерархического перераспределения ресурсов и рыночной

экономики, в которой приход неизбежно выступает игроком на рынке религиозных услуг. Это пересечение создает зону напряжения, что может непосредственно влиять на то, как приходское сообщество оценивает и использует поступающие в храм вещи.

В этом же параграфе рассмотрены три этапа формирования материальной среды храмов в постсоветский период (с 1990-х по начало 2020-х гг.) и типологизированы современные приходы РПЦ МП (кафедральные соборы, монастыри, городские, пригородные и сельские церкви). Продемонстрировано, как статус, локация и возраст прихода определяют его инфраструктурные возможности и стратегии работы с приносом.

Во втором параграфе **«Церковная цензура и факторы оценки вещей в храмах»** проанализированы механизмы, с помощью которых приходские сообщества производят отбор и оценку предметов из церковного приноса. Отталкиваясь от критики дихотомии «официальной» и «народной» религиозности, мы предлагаем рассматривать этот отбор как часть работы церковной цензуры – совокупности локально-специфичных правил и практик, фильтрующих то, что попадает в храм и признается «правильным». Настройки цензуры зависят от множества факторов, не в последнюю очередь – от личных установок настоятеля прихода. Его установки, в свою очередь, формируются под влиянием семиотических идеологий – устойчивых, распространенных в современной культуре способов видения и оценки определенных вещей и явлений. Выделены пять таких идеологий, относящихся к восприятию *старых предметов* (к которым относится широкий круг вещей из приноса): историческая (ценность предмета определяется его древностью), антикварная (ценность = возможность экономической реализации), семейная (ценность = память о роде/родственниках), модернизирующая (ценность «нового» в противовес «старому») и идеология «опасной вещи» (страх перед «чужим» старым предметом и не-ценность такового). Показано, что эти идеологии могут наслаиваться и конкурировать, определяя локальный режим ценности в каждом приходе. Обозначен также ситуативный фактор изменения статуса вещей под влиянием «чужаков» (в частности – исследователей), способных перекодировать значение предмета своим интересом к нему.

В третьем параграфе **«Церковные распорядители как агенты цензуры»** рассматриваются человеческие агенты, которые непосредственно регулируют потоки вещей, осуществляют их фильтрацию, решают их судьбу в приходах (*модераторы/распорядители*). Ключевая роль, как правило, принадлежит здесь настоятелю – от его установок, семиотических идеологий зависит, какие практики будут поддерживаться в храме, а какие – отвергаться. Однако в повседневной работе правила приема, оценки и утилизации вещей, заданные настоятелем, реализуют «младшие» распорядители – церковные служители, работники и волонтеры. Они выполняют прием и

сортировку приношений, хранят их, определяют их место в церковном пространстве, организуют обмен ими между членами общины или занимаются ритуализованной утилизацией «священного мусора». Распределение этих функций между разными людьми (или их концентрация в одних руках) варьируется от прихода к приходу и во многом определяет, насколько организованным или стихийным будет церковный принос.

В заключительном параграфе второй главы **«Дарители и пользователи: механизмы циркуляции вещей»** определены траектории движения символически значимых вещей с подвижным статусом (в храм и из него), а также акторов, участвующих в этих процессах. Описаны категории *дарителей* (прихожане, окказиональные посетители, паломники и туристы), а также этика православного обмена, задающая нормативные рамки для оценки приношений. Выделены различные типы даров: регулярные и экстраординарные, именные и анонимные. Показано, что мотивации дарителя не всегда определяют судьбу вещи в храме: церковные распорядители могут пересмотреть ее статус, исходя из собственных критериев.

С опорой на совокупность показателей (тип предмета, его физическое состояние, место, где его оставили и др.), определены три основных механизма поступления вещей в храм: дар, символическое возвращение и передача на утилизацию. Рассмотрены также акторы, выводящие вещи из церковного оборота – *пользователи*: прихожане и паломники (забирающие предметы для личного пользования либо в качестве евлогий/бренда), антиквары (приобретающие предметы для перепродажи), расхитители (выносящие церковные вещи нелегитимными способами) и ученые (которым иногда передают вещи из приноса). В завершение показано, что церковная цензура может быть подвижной и трансформироваться, ориентируясь на желания дарителей и пользователей.

Таким образом, во второй главе проанализированы те условия, в которых существует сегодня практика приноса и циркулируют символически значимые вещи с неопределенным статусом.

В третьей главе **«Вещи в современных православных храмах: культурные практики и инфраструктурные стратегии приходов»**, которая состоит из трех параграфов, представлен анализ символически значимых вещей с неопределенным статусом, практик, связанных с ними в приходской культуре, а также стратегий интеграции такого рода предметов в православную инфраструктуру на примере нескольких приходов.

В первом параграфе **«Роль символически значимых предметов с неопределенным статусом в создании инфраструктуры православных храмов»** мы анализируем пять типов таких предметов, каждому из которых посвящен отдельный подраздел.

В первом подразделе речь идет о votivных дарах – ювелирных украшениях, которые дарители приносят к иконам в благодарность за оказанную им божественную помощь. Такие дары, как правило, принимаются и накапливаются, служат свидетельствами чудес, совершенных Господом по молитвам верующих, оказываются ценным для храма символическим капиталом. Однако вокруг них порой складываются сложные правила модерации. Происходит фильтрация по материалам (обычно принимают только драгоценные металлы), по мотивации дарителей (только благодарность, а не просьба); в некоторых случаях требуется даже документальное подтверждение чуда (Валаамский монастырь). Вотивы могут оставаться в киотах годами, формируя узнаваемый образ святости, но их могут и снимать: переплавлять на ризы или литургическую утварь, реализовывать для финансовой поддержки прихода или удалять от реликвии, чтобы не создавать угрозу кражи. Кроме того, некоторые настоятели оценивают саму практику негативно, видя в дарах не ресурс для храма, а зримо воплощенное «суеверие». Поэтому эти предметы также подвержены изменению статуса и своего положения в церковном пространстве.

В следующем подразделе рассмотрены конфигурации культурных практик, которые могут складываться по отношению к другому типу даров – цветам. Как и votивы, они служат одновременно приношением и украшением, а их наличие маркирует особое почтение к храмовым реликвиям. Но в отличие от votивов, цветочные букеты имеют предельно короткий жизненный цикл. Следовательно, цветочная практика демонстрирует иную динамику: быструю обновляемость, более широкий круг дарителей и активное вовлечение в экономику храма (продажа цветов, сбор средств на флористику и др.). Цветы оказываются предельно близко к святыням, поэтому часто воспринимаются как носители благодати. Поэтому вокруг них выстраиваются практики ритуализованной утилизации. При этом могут возникать градации символического статуса этих объектов: цветы, висевшие непосредственно у иконы, могут сжигать, а стоявшие *под* ними – выбрасывать как обычный мусор. Несмотря на короткий цикл жизни, в некоторых храмах (Покровский монастырь в Москве, Смоленская церковь в Санкт-Петербурге и др.) цветы становятся основой для дистрибуции святости – их раздают/пересылают паломникам как брандеа.

Третий подраздел посвящен «запискам святым» с просьбой или благодарностью за помощь. Типологически это вид текстового votива (популярность которого сегодня отчасти зависит от туристических практик). Однако церковные распорядители иногда трактуют это как «народную» альтернативу институционализированной подаче записок через церковную лавку, хотя и прагматика, и тексты здесь часто другие. Отношение к практике варьируется. В большинстве храмов записки, подсунутые в щели киотов или рак с мощами,

воспринимают как «неправильный» обычай, с которым либо борются, вытесняя записки из церковного пространства, либо мирятся, создавая для их «приема» соответствующую инфраструктуру (сундучки/ящики рядом с иконами или мощами почитаемых святых). Однако в некоторых приходах (храм на Болвановке в Москве) записки начинают функционировать аналогично вотивам: их накапливают у иконы, они становятся аффордансом, провоцирующим посетителей храма совершить аналогичное действие.

В четвертом подразделе проанализированы вещи, которые люди «возвращают» в храмы, поскольку видят в них связь с православием (найденные на улице или ненужные дома православные сувениры, нательные кресты, церковные книги, иконы и т.п.). Они не являются даром в полном смысле этого слова. Скорее такого рода принос – это благочестивый способ расстаться с ненужными, но символически связанными с Церковью объектами. Судьба таких вещей в храме зависит от множества факторов. В одних приходах их выкладывают на специальные столы для свободного обмена, и они быстро находят новых владельцев. В других их хранят годами в подсобных помещениях, не зная, как распорядиться накопленным. В третьих их могут использовать как ресурс: предлагать за пожертвование (превращая в евлогии), передавать в воскресные школы или, при наличии музея, отбирать часть таких артефактов для экспозиции. Наличие или отсутствие организованной инфраструктуры для работы с этими предметами (столы, ящики, подсобные помещения, ответственные лица и т.п.) влияет на то, становятся ли они ресурсом или превращаются в обузу для церковных модераторов.

В последнем подразделе рассмотрен «священный мусор» – связанные с православием вещи, которые не могут быть использованы по причине руинированности или низкого статуса, но воспринимаются как наделенные благодатью. Вокруг этих предметов часто выстраиваются практики ритуализованной утилизации, основанные на сжигании, захоронении в непопираемом месте, утоплении. В некоторых приходах (особенно на юге Нижегородской области) разработаны целые инфраструктурные системы с разделением мусора на «фракции» по степени его сакральности, с отдельными хранилищами, печами и колодцами для утилизации вещей из разных категорий. Однако для многих храмов, особенно городских, священный мусор становится серьезной проблемой, которую они пытаются решить либо делегированием утилизации специализирующимся на этом центрам (например, кладбищенским храмам), либо категорическим запретом на прием старых вещей. В сельских же храмах, напротив, священный мусор часто составляет основную массу приноса и воспринимается как естественная часть приходской жизни.

Во втором параграфе третьей главы **«Как приходы работают с вещами: спектр культурных практик»** выделены шесть инфраструктурных стратегий – комплексы

культурных практик, которые формируют устойчивые программы обращения с символически значимыми предметами с неопределенным статусом. *Стратегия демонстрации* предполагает намеренное выставление символически значимых предметов (вотивов, цветов, иногда записок святым) на обозрение, их накопление и включение в выстраиваемую иеротопию храма. Такие предметы становятся символическим капиталом, работают как аффордансы, приглашая к новым дарам, и участвуют в формировании комплексов вещей-спутников вокруг реликвий. *Стратегия распределения* реализуется в двух вариантах: дистрибуция святости (раздача брандеа / евлогий) и внутрприходской обмен (столы для бесплатного перераспределения книг и икон). *Стратегия коллекционирования* может быть связана с наличием приходского музея и энтузиастов, которые отбирают из приноса предметы, представляющие историческую ценность. Коллекция приводит к усложнению инфраструктуры и появлению дополнительных критериев оценки вещей. *Стратегия хранения* приводит к тому, что вещи складывают, распределяют между разными помещениями, оставляют без использования, часто в ожидании того, что когда-то они пригодятся приходу. *Стратегия утилизации* активно развивается в храмах, где по разным причинам идет интенсивный поток священного мусора (в том числе в храмах и монастырях, которые играют роль центра утилизации для окрестных, городских церквей). Здесь создаются специализированные, часто сложные инфраструктуры для ритуализованного уничтожения вещей. Наконец, *стратегия вытеснения* характерна для храмов, где большинство видов приноса не приветствуется или вовсе запрещается, а все, что прихожане все-таки оставляют, немедленно удаляется из храмового пространства (перенаправляют в другие локусы – на часовни, родники и т.п., раздают, отправляют на утилизацию). Важно, что все выделенные стратегии существуют не автономно друг от друга, но во взаимосвязи, по-разному сочетаются в каждом храме и порой конкурируют. Одна из них может явно доминировать, но со сменой настоятеля вся конфигурация нередко меняется. Понимание того, как взаимодействуют эти стратегии, позволяет систематизировать наблюдаемое многообразие приходских практик.

В третьем параграфе «**Инфраструктурные стратегии приходов: кейс-анализ**» на примере двух храмов детально проанализировано, как работает церковная цензура в отношении вещей в разных по инфраструктуре приходах.

В первом подразделе параграфа «**Храм-витрина: стратегия демонстрации**» разбирается кейс кафедрального собора Александра Невского в Нижнем Новгороде – статусного храма епархии, активно включенного в туристическую сферу. Здесь символически значимые объекты с неопределенным статусом встроены в ряд других иеротопических проектов, в развитую инфраструктуру с продуманной организацией

церковного приноса. Вотивы здесь принимают, накапливают и демонстрируют у икон. Цветы продают в самом соборе, что делает практику дарения доступной и одновременно конвертируемой в доход. Другие виды приноса – вещи, символически связанные с Церковью и «священный мусор» – систематически вытесняются: их либо перемещают из наоса в притвор, либо удаляют и утилизируют. Посетители собора воспринимают организацию его пространства и инфраструктуры по-разному: многие высказывают восторг от красоты и «душевного сервиса», другие называют это место коммерциализированным и «бездуховным». На этом примере показано, как стратегия демонстрации работает в сочетании с практиками вытеснения и приводит к регламентации церковной инфраструктуры.

Во втором подразделе третьего параграфа **«Музей в храме: стратегия коллекционирования»** рассматривается церковь Воскресения Христова в Воронеже. Здесь представлена совсем иная логика организации инфраструктуры приноса – настроенная на сохранение «церковной старины». В этом храме функционирует небольшой музей, созданный по инициативе прихожан-энтузиастов. Хранитель музея играет ключевую роль в фильтрации и сортировке приноса, и в основном именно эта практика формирует музейную коллекцию. Благодаря храмовому музею сложилась сложная, но не эксплицированная письменно система приема вещей. Дарители, ориентируясь на неписанные правила, оставляют предметы разных типов в разных локусах: на подоконнике в притворе – сохранные вещи, которые могут пригодиться музею или кому-то из прихожан; у гаража – пакеты со «священным мусором» на утилизацию; в лавке или лично у хранителя – предметы, предназначенные специально для музея, часто с сопроводительными записками. Хранитель, в свою очередь, руководствуясь исторической семиотической идеологией, разбирает приносы и отбирает для музея все, что представляет историческую и экспозиционную ценность. Остальные типы предметов из приноса существуют параллельно и остаются в ведении других акторов. Этот кейс показывает, как наличие музея и фигуры энтузиаста-хранителя радикально меняет логику работы с приносом. Вещи, которые в другом храме были бы утилизированы, здесь обретают новую жизнь, пополняя музейную коллекцию, а у дарителей формируется привычка сортировать предметы еще до передачи в храм.

В **Заключении** подводятся итоги проведенной работы и определяются ее дальнейшие перспективы. В диссертации предложен концептуальный аппарат, позволяющий описывать, типологизировать и интерпретировать многие – разнообразные, динамичные, часто противоречивые – процессы, происходящие в сфере обращения вещей в современных храмах и монастырях РПЦ МП. Это открывает возможности для будущих

исследований – как конкретных церквей и региональных особенностей приходской жизни, так и практики приноса, активно развивающейся в современной (при)храмовой среде.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, по шифру специальности:

1. Материальная жизнь православных сообществ: «церковный принос» как культурная практика // Вестник Казанского государственного института культуры. – 2026. – № 1. – С. 46–51.
2. Цветы как дар: туристские практики в современных православных храмах России // Сервис plus. – 2026. – Т. 20. – № 1. – С. 126–136.
3. Храмовое пространство и туристские практики // Сервис plus. – 2026. – Т. 20. – № 2. – С. 127–137. (В соавторстве с Д.И. Антоновым).
4. Келья, могилка, храм: распространение и апроприация благодати в топографии Дунюшкиной святыни // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 4. – С. 110–141. (В соавторстве с Д.Ю. Дорониным).

Статьи в других ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК:

5. Реставрация советских фольговых икон и исследование артефактов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2026. – №1. – С. 136–147.
6. Цветы Липовки: ардатовская фолежная икона советского времени // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – №2. – С. 32–55. (В соавторстве с Д.Ю. Дорониным).

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, индексируемых Scopus и Web of Science

7. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2024. – № 42 (3). – С. 136–163. (В соавторстве с Д.И. Антоновым).

8. Всероссийская конференция «Изображение и культ: сакральные образы в христианских традициях» (РГГУ, 28–30 ноября 2024 года) // Новое литературное обозрение. – 2025. – № 5 (195). – С. 417–428. (В соавторстве с Д.И. Антоновым, Д.Ю. Дорониным).

Статьи в профессиональных журналах и научных сборниках:

9. «Мы не засекали, сколько золотишка»: современные нарративы о вотивных дарах // Живая старина. – 2023. – №1. – С. 31–35. (В соавторстве с Д.И. Антоновым).

10. Распространенная благодать: тексты и комментарии // Живая старина. – 2022. – № 1. – С. 39–43. (В соавторстве с Д.Ю. Дорониным).

11. «У вас тут целая коллекция!» – «Да, мусора хватает»: церковный принос в инфраструктуре храмов Русской православной церкви // (Ре)конструирование религиозных практик на постсоветском пространстве. Материалы III всероссийской с международным участием научной конференции (Москва, РГГУ, 21–22 ноября 2025 г.) / сост. и ред. А.И. Завьялова. – М.: РГГУ, 2025. – С. 58.

12. Вотивные дары в современных российских храмах // Антропология религии: Материалы XXII Международной школы по фольклористике и культурной антропологии / сост. Н.С. Петрова, Н.В. Петров. – М., 2022. – С. 32–33.

13. «Второе тело» праведника: исследование комплексных святынь юго-запада Нижегородской области // Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика. Конференция молодых ученых. Сборник тезисов / Европейский университет в Санкт-Петербурге. Факультет антропологии. – СПб., 2022. – С. 18–20.

Учебно-методические работы:

14. Советские иконы: методическое пособие по организации исследовательских работ. – М.: Индрик, 2024. – 63 с. (В соавторстве с Д.И. Антоновым, Д.Ю. Дорониным).